

К 70-летию славной даты

Начиная с 1974 года мною написано двадцать одно стихотворение об И.В. Сталине. Не могу сказать, что моё отношение к покойному советскому вождю было неизменным, как это может показаться из стихов. Оно было в различные периоды истории разным, но всегда уважительным. Более того, с годами, особенно с обстановкой, сложившейся в России в 90-е годы, это уважение лишь возросло.

Ставшие доступными многочисленные исторические материалы и факты неопровержимо свидетельствуют: многие шаги Сталина, главного создателя советской России, были продиктованы не особенностями его “зловещего характера”, как нам внушают до сих пор, но сложившейся вокруг страны и внутри неё обстановкой. Даже такой непримиримый противник коммунизма, как Черчилль, вынужден был признать, что фигура советского вождя, как никакая другая, “импонировала жестокому времени”, в которое он жил и руководил Россией. А время было неприкрыто хищническим. Такой сдерживающий фактор, как атомное оружие, появился лишь в самом конце его эпохи, так что советскому лидеру приходилось опираться не только на естественных и “единственных союзников” России — армию и флот, как говорил царь Александр III, но и на непомерно усилившиеся органы государственной безопасности. Кстати, созданные не им.

Благодаря усилиям историков-патриотов, дипломатов, лучших представителей технической и художественной интеллигенции России, подготовлены все условия для реабилитации образа Сталина, несправедливо обогнанного Н.С. Хрущёвым и рядом представителей так называемой либеральной интеллигенции. За рубежом в целом ряде стран отношение к Сталину сохранилось гораздо более взвешенным. Например, во Франции некоторые памятные места Парижа до сих пор хранят его имя. Народное мнение в нашей стране о советском вожде, как о великой личности и самом успешном руководителе страны, тоже в целом неизменно, о чём свидетельствуют результаты социолрозов, телевизионная игра “Имя — Россия”, проведённая на первом канале российского телевидения в 2008-м году, или невероятный успех фильма Фёдора Бондарчука с одноимённым названием.

Однако официальная оценка советского периода нашей истории, его создателей и руководителей Ленине и Сталине остаётся, мягко говоря, рыхлой, неопределённой или негативной. Попытки восстановить прежнее название города Сталинграда, несмотря на преобладающее в этом смысле общественное “да”, натывается на ничем не объяснимое сопротивление или подтасовку — “весь мир — против”... Хотя слово Сталинград по свидетельствам Николая Старикова присутствует в названиях нескольких тысяч объектов в одной только Франции! А ежегодно и торжественно отмечаемые у нас праздники Дня Победы сопровождаются полной амнезией по поводу имени Верховного главнокомандующего.

Складывается ощущение, что мнение Запада (даже после санкций) и антисталинский настрой нашей либеральной элиты для власти до сих пор важнее, чем мнение народа. Невольно напрашивается параллель наших СМИ с нынешними украинскими. Там пыта-

ются внушить, что ополченцы обстреливают сами себя, а нам — что в Отечественной войне “победил народ вопреки Сталину”. Не стану ходить в объяснения данного внеисторического абсурда (потому что никогда великие победы не одерживались против воли великих руководителей), это не дело поэзии. Стихи мои продиктованы личными наблюдениями.

Например, стихотворение “Комаровка” написано на основе впечатлений от командировки на томский север в 1974-м году, где я видел в глухой тайге “кулацкие посёлки”, построенные ссыльными крестьянами в 30-е годы. Уже тогда они были брошены, жители переселились либо в города, либо в крупные населённые пункты области. И что характерно: при встрече с потомками бывших ссыльных, а также с ними самими (некоторые в ту пору были ещё живы), я не слышал проклятий в адрес сталинского прошлого. У меня были даже встречи с эстонцами, высланными в Сибирь уже после войны. Я спросил одного из них, почему он не вернулся на родину, когда это было разрешено. Ответ был таков: что мне делать в Эстонии? Я — охотник, привык к просторам. А Эстония пуговица, в сравнении с русской шубой. Мой собеседник при этом красноречиво указал на свой волчий полушубок, видимо, сшитый из добытой собственными руками шкуры зверя. Повторюсь, ни от одного обитателя брошенных “комаровок” я не слышал ни слова хулы на Сталина, или на советскую власть. Именно это обстоятельство позволило мне закончить одно из стихотворений словами:

*...Стоишь, пока тайгой не заросла,
как памятник эпохе и народу,
не помнящему той эпохе зла.*

Стихотворение “Баллада о директоре завода” написано со слов моего отца, которому один из “красных директоров” военного времени рассказал случившуюся ним лично историю. Мой отец в 1941-45 годах не воевал, он работал на оборонном заводе сначала мастером, потом начальником цеха. Для этих людей, т.е. тыловых руководителей, существовала так называемая “бронь” — на фронт их не брали, но они обязаны были чуть ли не круглосуточно трудиться на производстве. В конце 1942-го он в результате непомерного труда тяжело заболел туберкулёзом и гепатитом одновременно. Помню жёлтое лицо отца, помню, как у него вместе с кашлем изо рта лилась кровь, человек умирал. И вот в самое, можно сказать, тяжёлое для страны время моего отца посылают на курорт в Хабаровский край, да ещё на два месяца. Он вернулся здоровым, полным сил и благодарности. И тут же подал заявление с просьбой принять его в ряды ВКПБ. Именно на хабаровском курорте отец познакомился с лежачимся там директором металлургического завода, образ которого лёг в основу стихотворения “Баллада о директоре завода”.

Что касается Сталина, то мой отец всегда хранил уважение к его личности, отбрасывая любые нападки на культ.

В 1943-м, 12-летнему мальчишке, самому пришлось с июня по август поработать на отцовском заводе учеником токаря. Я был свидетелем и участником той трудовой обстановки, которая царила тогда. Спрос и ответственность были весьма суровыми, основной трудовой контингент составляли — женщины и подростки, рабочие

смены продолжались 12 часов. Несмотря на всё это, завод полностью справлялся с задачами фронта. Да, был жёсткий спрос, но была умело поставленная идеологическая работа, вера в победу. Одни подростки трудились на заводах, а другие бежали на фронт к сражающимся отцам. Люди припадали к радио, жадно слушая военные сводки. Доверие к средствам массовой информации, а особенно к тому, что было сказано людьми власти, было безусловным. Словосочетания “правительственный чиновник” в ту пору вообще не существовало. Но когда общество сталинского времени нынешние апол-

Генералиссимус побед

геты либерализма характеризуют как серую казарменную массу, запуганную и задавленную страхом, могу лишь пожалеть печами.

Годы войны и несколько лет после неё я жил в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, который и по сию пору считается одним из самых криминализированных в Российской Федерации. Можно представить себе, каким он был в “сороковых-роковых”. Так вот в 1948-м в городе появились антисталинские листовки. Как выяснилось, их напечатала подпольная группа, созданная из учащихся старших классов мужской (были тогда такие) средней школы №10 Ленинска-Кузнецкого. Я был знаком в некоторых участниками. Позднее этот эпизод попал в “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына, где автор завершил рассказ такими словами: “Все школьники — участники подпольной группы были арестованы и бесследно стигнули в застенках ГУЛАГа”. Но это ложь! В 1948 году я в учился в десятом классе школы №10 Ленинска-Кузнецкого, был знаком с некоторыми авторами листовки и участниками подпольной группы. Их действительно арестовывали, допрашивали, но через месяц отпускали. Поступок квалифицировали, как “июньскую идеологическую незрелость”. Дали доучиться в школе, получить высшее образование и на дальнейшей их карьере демарш не отразился. Некоторые из них стали впоследствии директорами заводов, начальниками шахт, учёными.

После окончания десятого класса я один год (1949) работал сотрудником городской газеты “Ленинский шахтёр”. Однажды утром пришедший на работу утром редактор М.И. Ульянов (хорошо помню до сих пор его фамилию и имя-отчество) обнаружил чудовищную по тем временам ошибку — слово “Сталинград” было напечатано без буквы “р”. Потрясённый Михаил Иванович кинулся по газетным киоскам выкупать успевший поступить в продажу тираж газеты. Тем не менее, ошибка была замечена, и Ульянова вызвали в соответствующие инстанции “на ковёр”. Дело ограничилось партийным выговором.

Двумя годами раньше в 1947-м мы с моим товарищем Николаем Киселёвым, студентом горного техникума, участвовали в городской читательской конференции, посвящённой только что вышедшей и получившей Сталинскую премию книге Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке” — о герое лёгтики Алексее Мересьеве. Уже тогда эта книга считалась культовой. А мы с Николаем осмелились критиковать её за низкий художественный уровень, за

“плакатность”. Некоторые участники конференции даже назвали наши запальчивые мальчишеские выступления “антисоветскими”. Но нас нигде не вызывали и не подвергали никаким санкциям. А мой покойный ныне старший друг стал впоследствии доктором филологических наук Томского университета.

Приходится говорить об этих фактах, потому что время культа личности до сих пор грубо искажается, рисуется в сугубо чёрных тонах как время “бессмысленных запретов” и борьбы с малейшими проявлениями инакомыслия. Бытует мнение, что за чтение

множество и других насмешливых замечаний.

...Вместо бессмысленных криков и слоров хорош вождь или плох (ясно, что по меньшей мере он неоднозначен) гораздо важнее начать спокойную и вдумчивую работу, обсуждение, и попытаться понять — что полезного и ценного для страны нужно взять в наше на-

Юрий КЛЮЧНИКОВ

стихов Есенина будто бы сажали в тюрьму, а Борис Пастернак, как критик Сталина, вообще не издавался. Два слова на этот счёт.

Читательская конференция, о которой говорилось выше, была организована литературным кружком при городской библиотеке. Я посетил кружок с 1945-го по 1949-й год. Помню обсуждение только что вышедшего в 1947-м году томика лирики “инакомыслящего” Есенина. Директор библиотеки Клавдия Ивановна Гоголева разрешила нам с Николаем Киселёвым рыться в книжных фондах, где обнаружили в 1945-м году целый ряд сборников стихов другого “еретика” — Бориса Пастернака, который уже тогда, в сталинское время, высказывал своё несогласие с положением поэта в советском обществе:

*Напрасно в дни великого Совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта.
Она опасна, если не пуста.*

Теперь слово стихам.

КОМАРОВКА

В ночь на Покров, в тридцатом, с парохода
они сошли у этих берегов
в глухой кедрчак —
шестьсот врагов народа,
сынов и внуков классовых врагов.
Суровую страна явила милость —
жили, коль помереть ты не готов.
И сотней труб

к весне тайга дымилась,
и рядом встало столько же крестов.
Сменили пятистенный землянки,
и становилось всё, как у людей:
и общий клин, и личные деланки,
и на сто верст тайгою володей.
И радио, и флаг над сельсоветом,
и патефон, и Библия в пыли,
и даже в новых горницах портреты
того, кто ими правил издали
тяжелой и бестрепетной рукою.

...К Покрову в сорок первом, аккуратно,
бессонная пехота под Московку
из Комаровки приняла солдат.
Никто из них под танками не дрогнул,
к фашистам в плен не сдался ни один.
Так отчего же нынче в Комаровку
не стали теплоходы заходить?
Ах, Комаровка, или это снится,
В твоих дворах крапива да пырей,
да ночи беспросветные в глазницах,
В пустых глазницах окон и дверей.
Уж не узнать, кто вьяз карнизов ладил
и бросил всё, отчалил в города
и где теперь сердца Серёжи с Надей,
прознённые стрелой на воротах?
Ах, Комаровка, нульба сроду!
Стоишь, пока тайгой не заросла,
как памятник эпохе и народу,
не помнящему той эпохе зла.
1974

сов и подчинённости территорий. И только когда встал вопрос жизни людей (не обязательно русских!), государственный механизм России начал свою работу.

Сравнение, которого не избежать

Работу, признаём, безупречную и безукоризненную. Фильм Андрея Кондрашова ярко подтверждает всё это в очередной раз. Заодно, кстати, уверенно объясняя, естественно, за кадром, не произошло этого влух, почему же крымский сценарий не запускается Россией в отношении Донбасса. Да потому и не запускается он, этот сценарий, что ситуации в Крыму и на

юго-востоке Украины принципиально разные.

Даже динамика событий показывает, как истосковался Крым у жовто-блукитников, как буквально искал он выход из своего тупика. С лёгкостью в Крыму ещё в декабре 2013 года, при первом зловонномдыхании майдана в Киеве, появляется народное ополчение. Только-только стало ясно, что Янукович уехал из Украины, тут же принимается решение о референдуме. Закрытый социологический опрос даёт цифру в минимум 75 процентов желающих вернуться в состав России. А когда пришла пора голосовать за свою судьбу открыто, то статистика крымского референдума носила, вообще-то, беспрецедентный характер. Даже за сохранение СССР люди голосовали не так активно. А тут 95,6 процента — в Севастополе и 96,77 процента по республике Крым в целом.

Донбасс, как все прекрасно помнят, давал совсем другие цифры. До трети населения на юго-востоке до последнего ждали чудес от Порошенко. Даже свой референдум Донбасс организовал не в марте, как Крым, а в мае, надеясь, что новые президентские выборы что-то изменят в существе нелегитимной и по макушку запачканной кровью киевской власти. Не оказалась на юго-востоке Украины и лидеры уровня крымских Сергея Аксёнова и Алексея Чалого. Путин признаётся в фильме Кондрашова, что даже не знал о существовании Аксёнова прежде, но он, как подлинно народный лидер общероссийского масштаба, сам выдвинулся на волне крымской весны 2014 года. Выдвинулся и победил.

К сожалению, Донбасс слишком долго находился в плену сладких заблуждений, а постсоветский промыск мозгов там мало что (в сравнении с Крымом) противостояло. Вплоть до того, что первые реальные отряды самообороны организовал добровольец из России Игорь Стрелков — немилымая вещь для Крыма. Да, потом отряды правосеков быстро своими залпами из “градов” и “ураганов” по больницам, школам, храмам и музеям Донецка и Луганска провели популярный ликбез. Но факт остаётся фактом: то, что можно было сделать бескровно и эффективно в Крыму, невозможно было тогда же сделать на Донбассе.

Контингент прежний

Даже если упомянуть про не менее пресловутые “российские войска”. После фильма

“Крым. Путь на Родину” множество западных обозревателей аж языки от счастья проглотили, упоминая про слова Путина о наличии в Крыму российских военнослужащих.

Хотя всё фактическое российское военное присутствие заключалось всего-то в контингенте нашей военной базы в Севастополе. “Дополнительных контингентов туда не вводили”, — сказал Путин и ему нет смысла темнить.

При более чем 20 тысячах украинских военных, дислоцированных в Крыму, наличие неких “вежливых людей”, пускай и из самой России, ничего не сыграло бы.

Да эта горстка “вежливых людей”, пускай даже из самого ГРУ, лишь банально ходила бы и констатировала очередные погромы и убийства, не будь поистине всеохватывающей поддержки местного населения, включая даже крымских татар, которых в Киеве упорно записывали в свои союзники.

В Крыму хватило всего лишь контингента одной нашей военной базы. При этом понятно, что для Донбасса и трёх-четырёх баз было бы мало. Даже проводи они свой референдум в марте, как в Крыму, а не в мае.

Вот и весь ответ на гипотетический вопрос: бросил ли кого-то Путин. В конкретных условиях и при конкретном круге производных результатов становится предсказуемым. И он был предсказуем в Крыму в феврале-марте 2014-го, но совершенно не читался год назад с такой определённостью в Донбассе.

Одной из очевидных особенностей фильма Андрея Кондрашова являются, в том числе, и вот это признание уникальности прошлыхгодних событий. Он показывает не имперскую поступь Кремля, не попытку осяссилить кого-то силой, а, прежде всего, уникальный опыт почти бескровного спасения от фашизма населения целого полуострова.

Возвращение Крыма — это не универсальный рецепт. Эта схема работает только в определённых геополитических условиях и не может автоматически распространяться на Донбасс или какие-либо другие территории. Опыт Крыма значил лишь для самого Крыма и ни для чего больше.

Ринкевич неправ, когда говорит о перерисовывании Россией карты Европы. Речь об уникальной ситуации и уникальном стечении обстоятельств. До некоей “нормы” тут ещё очень и очень далеко. А до реставрации СССР — ещё далеко.

Теперь дома

Мог ли Крым не вернуться весной 2014 года в Россию? Мог ли не вернуться даже под угрозой санкций и чьего-то недовольства? “Не мог”, — отвечает Андрей Кондрашова своим документальным фильмом. Да и все мы вместе с ним, прекрасно зная ту степень доверия и поддержки братскому народу даже сейчас братской Украины.

Крымский корабль, по словам Путина, окончательно вернулся в русскую гавань. Или как отметил Сергей Аксёнов: “Мы шли домой, Россия поддержала наших соотечественников, крымчан, которые оказались в сложной жизненной ситуации, это дорогого стоит, когда есть плечо друга. Друг без друга мы уже не сможем”.

Фильм Андрея Кондрашова: алгоритм возвращения

Для тех, кто внимательно следил за происходящим в соседней республике год назад, документальный фильм “Крым. Путь на Родину”, показанный по каналу “Россия 1” 15 марта, мало откроет нового чисто информационно. Будем уж откровенны: о многом и до этого хоть вполголоса, но говорили, о многом и до этого кое-что слышали.

Другое дело, что впервые всё прозвучало столь определённо, с самыми подробными комментариями лично от президента России Владимира Путина. И самое главное — с чёткой последовательностью всех событий, с убедительным раскадровкой каждого эпизода. Предоставляя всем возможность не только лучше понять историю с Крымом, но и понять себя самих.

Кто есть ху

Бывший главный редактор “Независимой газеты” Виталий Третьяков в числе первых совершенно справедливо заметил: “По реакции на фильм Андрея Кондрашова “Крым. Путь на Родину” мы сейчас увидим, кто есть ху...”. И как в воду глядел!

Вплоть до того, что эту документальную картину додумался блокировать “YouTube”. Украинский премьер Арсений Яценюк пообещал наказать “Крым. Путь на Родину” в Гагский трибунал доказательством “аннексии Крыма Россией”.

Особенно чрезвычайным возбуждением отметились прибалтийские политики. Так, глава МИДА Латвии Эдгарс Ринкевич не просто пишет про пресловутую “аннексию”, но и добавляет в вопрос истерические нотки: “Путин признаёт: Крым был забран по его приказу. Россия перерисовывает карту Европы согласно своим правилам”.

Впрочем, неровное дыхание именно Латвии может быть вызвано и вопиющим совпадением даты референдума в Крыму (16 марта 2014 года) с датой традиционного шествия в Риге бывших пленных Ваффен СС. Для современных логонеров фашизма честный разговор на эту тему изначально противопоставлен.

Иногда в спешке и российские СМИ не до конца точно цитируют Путина, добиваясь двусмысленностей там, где их и в памяти не было. Например, по оперативному сообщению ТАСС от 15 марта наш президент якобы сказал в фильме: “Мы никогда не думали об отторжении Крыма от Украины до момента, пока не начались эти события (на майдане), государственный переворот”.

Тогда как дословно Владимир Путин говорит: “Мы никогда не думали об отторжении Крыма от Украины. Никогда!”. И уже потом, третьим предложением, а не просто через запятую, переходит к украинскому майдану. То есть изначально отторжение (пресловутая “аннексия”) не входило даже в долгорочную перспективу российской политики. Вряд ли правильно первому лицу государства приписывать те слова и те формулировки, которых он не говорил. Даже из самых благих побуждений.

Тем более, что Путин неоднократно высказывался по темам Украины и Крыма и вести

речь о том, что 15 марта мир услышал нечто необыкновенное, абсолютно нелогично. Можно вспомнить хотя бы интервью нашего президента немецкому телеканалу ARD в ноябре 2014 года, где он жёстко обозначил своё видение вопросов самоопределения народов и конкретно крымского референдума:

Андрей КАНАВЩИКОВ

ставу, но и по процессам её формирования в сегодняшнем виде... Это большая европейская страна с европейской культурой. Не хватает только одного. Не хватает, мне кажется, понимания того, что, чтобы быть успешными, стабильными, процветающими, нужно, чтобы все люди, которые на этой территории проживают... чувствовали, что эта территория — их Родина...”.

Малая часть записанного

И вот теперь Крым обрёл свою истинную Родину. Как это происходило буквально по дням и часам рассказывает Андрей Кондрашов. Два с половиной часа эфирного времени стали лишь частью из 398 часов видеозаписей, снятых за прошедший год.

Как отмечал сам автор фильма, для съёмки было привлечено 300 реальных ополченцев, пассажирский поезд, Симферопольский железнодорожный вокзал — на три ночи, аэропорт — на четыре ночи, 5 вертолётов, 15 лёгчиков, 2 корабля Черноморского флота с экипажами, 6 БТР, ракетный комплекс “Бастيون”...

Даже постановочные съёмки выглядят при таком подходе достоверными, так как их комментируют очевидцы происходившего. И каждый эпизодик помогает сложить общую и цельную картину.

Вот кадры, повествующие о непростой операции по спасению президента Януковича, машины которого ночью мигали российским вертолётам, чтобы те их заметили. Вот страшные по своей сути моменты Корсунского погрома, когда правосеки и прочие фашиствующие укрсы сожгли 4 автобуса с активистами антимайдана и многих убили (официально убитыми числятся семеро).

Вот реконструкция попытки срыва активом Крымского меджлиса и приезжими из “Правого сектора” внеочередного заседания Верховного Совета Крыма с чётким вычленением татар, которые сами были использованы провокаторами, и непосредственных организаторов беспорядков.

Вот трагический момент ожидания так называемого “поезда дружбы”, когда на вокзале в Симферополе полторы тысячи ополченцев стоят, считая минуты до прибытия погромщиков. Вот 450 казаков, которые выдвигаются на передний край уже 1 марта и стоят с бойцами из “Беркута” до конца.

Вот оперативное развёртывание на полуострове оборонительного берегового комплекса “Бастюн”, чтобы это было видно из космоса. Когда американский эсминец “Дональд Кук” отвернул от Крыма, попав в лучи наших радаров.

Фильм Кондрашова не забывает ни о чём, всего касается и всему даёт историческую оценку.

При этом президент Путин откровенно говорит о своём личном контроле текущего процесса. Признавая, что так “исполнителям легче работать”. Вообще, президент страны в качестве комментатора фильма — само по себе бытие.

Спасти и сохранить

Были ли у кого-либо хоть когда-либо сомнения, что Крым является русским (или российским)? Серьёзных сомнений не было ни у кого никогда! Не зря ведь современные укры запретили к показу на нынешней Украине фильм “Брат-2” с рядом реплик про город русской славы Севастополь и бандеровцев.

Понимают даже они, что без прямых запретов и промысков мозгов, как ни крути, а и Севастополь изначально наш, и Крым тоже. И дискутировать здесь — всё равно, что доказывать благотворность тотальной посадки кукурузы, в чём Хрущёв преуспел ровно так же, как и в вопросе дарения территорий.

Тем не менее, Владимир Путин однозначно, ещё раз, подтверждает, что отторжение Крыма от Украины руководством России не планировалось. Ну, не хотели мы, то есть власть в Москве, резких движений! Ситуация изменилась только из-за фашистского переворота в Киеве и исключительно перед угрозой физического уничтожения отдельных лиц и населения целых территорий.

Бандеровцы кричали защитникам Крыма: “Крым или наш, или ничей!”. Молчать перед лицом поднимающегося фашизма, перед идеологией откровенного геноцида означало предать само существо русского государства, предать корневые основы нашей государственности, сам наш духовный идентификационный код как страны и нации.

И тогда России пришлось предпринять целый ряд очень непопулярных на западе мер. Даже при однозначном понимании, что является главным заказчиком февральского переворота на Украине. Как отметил сам Путин: “Реальные кукловоды — наши американские партнёры и (после небольшой паузы, с профессиональной чекистой улыбкой, — А.К.) друзья”.

Это принципиальный момент — сама мысль о возможности возвращения даже исконо, даже десятижды русского Крыма возникла не из-за каких-то нелепых “имперских амбиций” Кремля, а только перед прямой угрозой физического уничтожения сотен и тысяч людей. Русских, украинцев, крымских татар и людей других национальностей.

Кремль, таким образом, легко смирился с отсутствием иных проявлений державной атрибутики, с вопросами государственных стату-